

Одиссея Александра Николаевича
Наталья Гарбер, 2013,
из книги «Тайные истории Пушкинских гор»

*Корабельному технику, фантазеру и страдальцу,
Александру Николаевичу посвящается*

Третий день льет то утром, то вечером, но я, закрыв глаза, представляю себе Пушкиногорские поля по дороге к коттеджу моей подруги Нюты. Порывы ветра колышут зеленые, фиолетовые, разноцветные травы, будто Бог бережной рукой гладит детские вихры в ромашках. По дороге в лесу земляника и черника. Поеду, поеду, поеду.

Я звоню Нюте спросить, примет ли в гости, и она говорит «да». Через час она вернется обратно с кладбища, где мы с ней познакомились и где сейчас подруга прибирается после дождя. Ничего пугающего – неделю назад я пришла навестить могилку умершей в прошлом мае бывшей моей соседки, «Арины Родионовны» написанных здесь мною поэм, а Нюта – прибраться на могиле мужа, которого лейкоз забрал в прошлом апреле.

Мы разговорились, потому что Нюта – невысокая полная хохлушка-веселушка 68 лет, скучает здесь без общества, и решила обаять меня историей своей жизни и жизнелюбием. И ей это с легкостью удалось.

Родилась она в Полтаве, в молодые годы вышла замуж за своего Александра Николаевича, которого в семье звали Олешей, родила двоих детей – сына и дочь. В голодную Перестройку мужу предложили работу в Мурманске, на научных судах, и семья переехала туда. Александр Николаевич стал старшим техником в группе, что обслуживала корабли, ходил по полгода в экспедиции, был везде от Африки до Антарктиды, учился в Париже и так много зарабатывал, что соседи завидовали. К старости, в конце 1990-х, Нюта с мужем переехали в Пушкинские горы, потому что на севере очень климат тяжелый. Купили квартиру для зимы и половину каменного коттеджа для лета.

В Мурманске Нюта работала экономистом, выучила обоих детей в школе, потом в Питерских вузах. Дочь Машку двоюродная сестра Олеся пристроила в хорошую торговую контору. И теперь они живут вместе, растя двоих детей Олеси от ушедшего мужа. Справляются хорошо, в отпуск ездят за границу то туда, то сюда, а Нюте в Пушкинские горы иногда покупают какие-нибудь странности.

Например, на участок при коттедже Машка привезла металлические качели с поролоновым сиденьем, обтянутым полосатой тканью. Качели установили аккуратно у входа в подаренную Машкой же теплицу, а навеса над качелями сделать не удалось. В Пушкиногорскую жару сидеть там невыносимо жарко, к тому же скучно глядеть на медленно созревающие зеленые помидоры. Поэтому качели одиноко стоят, затянутые от дождя целлофаном, как знак внимания детей к родительнице.

Сын Витька тоже отучился в Питере, но вернулся в Мурманск, женился на женщине с двумя детьми и перевязанными трубами. Своих детей у Витьки поэтому не

будет, и он тоже, как и сестра, терпеливо растит чужих. Жена его толкает зарабатывать побольше, и он старается по мере сил где-то при мурманском бизнесе.

Для меня, всю жизнь прожившей в Москве в занятиях творческими проектами, вся эта жизнь и вправду удивительна. Как и история о том, что семь лет назад, после смерти заведенной для развлечения в Пушгорах собаки, Александр, который никогда ничем не болел, вдруг занемог, и ему поставили диагноз «рак крови» - лейкоз. Нюта сказала – давай лечиться народными средствами, но он не послушал и за шесть лет медленно сошел на нет от курсов химиотерапии, которые ему регулярно и мучительно делали в Пскове.

«Это еще долго он прожил», - говорит Нюта, стирая тихие слезы, - «молодежь сгорает за несколько месяцев. Вовка, молодой парень, лежал с Олешей в больнице, умер за три месяца. Слабая сейчас молодежь». Я киваю, что знаю – и вправду, медицинская статистика с середины прошлого века говорит, что каждое следующее поколение людей слабее и болезненнее предыдущего. Это чистая биология – врачи вылечивают все больше людей, которые раньше не выжили б и не дали потомства. А глобализация добавляет скорости процессу ослабления иммунитета Homo Sapiens по всему миру. И старик Александр Николаевич, шесть лет работая в саду, чтобы отвлечься от мыслей о раке, доживает до 71 года, а студент с тем же диагнозом гаснет за одно лето.

Но портится у людей не только физический иммунитет. Когда муж умер, Нюта отгоревала и наладила одинокий быт, Людка из соседней квартиры вызвала ее на откровенный разговор, а потом велела завести себе мужика поздоровее. И на примере тут у меня есть такой, что сексу с тобой хочет, сказала Людка, которая работала в Магадане начальником автобазы и после выхода на пенсию все никак не может отучиться руководить чужими рейсами. Нюта отвертелась от сводни, и уехала в деревню, в коттедж среди полей, успокоиться.

А тут другая соседка Людка, живущая за забором в деревянной развалюхе. Лицо как запеченная груша, 1938-го года рождения и взглядов тех же лет, тоже хочет общения. В молодости Людка-груша уехала из Пушкинских гор на Колыму, и за несколько лет умотала до смерти мужа-горняка - шахту он выдержал, а Людку – нет. Больше желающих быстро помирать не нашлось, и Людка живет сама по себе и зовет в гости. «Выходишь от нее как ушатом говна ополоснутая», - удивленно говорит открытая и дружелюбная Нюта, и добавляет грустно: «Поганый здесь народ».

Народ здесь, как и везде, разный, но на хорошего и открытого человека в тяжелую минуту может накинуться всякая пакость. Веселым людям вроде нас с Нютой надо аккуратно себе компанию подбирать, думаю я, вертя педали в сторону кладбища. Подруги там уже нет, я нагоняю ее в поле, где она бодро шлепает с рюкзаком за спиной по размокшей дороге среди весело шумящего разнотравья.

В полях меня обуревают ветры странствий, и я спрашиваю Нюту, что рассказывал Александр Николаевич о морях и дальних странах. А ничего он не рассказывал – везде на кораблях была техника, которую надо чинить, а то не дай Бог. В русских экспедициях случались перебои с питанием, после которых он приходил отощавший из рейса, а в иностранных - слухи, что иностранцам платят вдесятеро больше наших. Но экспедиции у старшего техника были хорошие, семье его заработка и так хватало за глаза.

Дома Нюта была «прорабом», и муж ее слушался, уважая бабье царство. Чинил, покупал, достраивал, возился в саду, а в свободное время читал фантастику и делал самодельные обложки для истрепавшихся книг, подписывая от руки белые наклейки на корешках. Половина библиотеки у Нюты с этими наклейками.

С умным мужем всегда было о чем поговорить, и после его смерти Нюта тоскует по разумному собеседнику. Хоть бы дети, что ли, развлекли. Но на предложение привезти

Олесиных детей в коттедж на лето Машка отвечает – мам, ты их первым же поездом назад отправишь, сил не станет терпеть.

Да и не интересно молодым поколениям тут – Пушкин из школьной программы, поселок на пять тысяч человек, из которого молодежь уезжает, лес с черникой да поле с земляникой. Чего им смотреть на все это, когда в мире компьютеры есть и Турция?

Нюте самой тоже ее жизнь не кажется интересной. Она читает мои предыдущие новеллки. Смеется на мою ойкающую при включении электричества технику, недоверчиво спрашивает, правда ли Мишка отвечает мне по-человечьи, согласно качает головой про орущих котов, интересуется, что такое клаустрофобия. А потом говорит: читается легко, славно, но это городским диво, я теперь так каждый день живу, чего мне это читать?

О, как я это знаю! То, что под ногами – Пушкинские горы и поля, три знаменитых поместья с намозолившими глаза открыточными видами, летучие строки гения под стеклом и портреты барышень 18 века на стенках комнат – все это не диво и не ново. Глаз замылен борьбой с ЖКХ и Людками всех сортов, обихаживанием квартиры и коттеджа, походами в магазины и телевизором.

С интересом Нюта смотрит сериал «Великолепный век»: опереточные короли и принцы с лицами и манерами, в которых я читаю полное отсутствие культурного отбора, мелодраматические костюмированные разговоры в аляповатых картонных выгородках или давно ставших музееми замках. Нюта вздыхает: вот это жизнь!

Так устроен человек – ему кажется, что самое интересное за горами. Там любовь, красота, истина и настоящая жизнь. А тут чего? Могила мужа за сорок пять тысяч – слава Богу, что все под ключ, и участок светлый, веселый - на горке под соснами. Но Нюта знает здесь больше умерших людей, чем живых, приходящих к их надгробьям, и это не так уж весело. Что еще? Коттедж на покатоном участке - здесь все участки покатые, потому что стоят на горах, потому и называется место – Пушкинские горы. Из дома открывается вид на долины, куда Нюта не успевает смотреть – работы много, а силы уже не те. Рожь в полтора моих роста колыхается на месте грядок прошлогодней картошки, потому что земля должна отдохнуть. Для меня ее шелест – музыка, для Нюты – рутина.

В углу участка неизменный зеленый сортир: «Не пугайся, он пищит», - говорит Нюта. «О, Боже, а там-то что пищит!?» - спрашиваю я, утомленная битвой с ночным будильником соседа. Там пикает электронный вибратор для отпугивания кротов. Вот повезло ребятам, говорю я, но Нюта хохочет – нет, это такие вибрации, которые они не любят. Видимо, это Людкины вибрации, которых не выдерживают даже шахтеры, не то, что кроты. И даже качели, которые ради меня Нюта освобождает от целлофана, как мумию из савана, для нее – обуза, а для меня – место, где я пишу эту новеллу. А Нюта меж тем спит в это время в доме, под телевизором с очередным «мылом».

А мне интересно здесь.

Интересно, как тридцать лет путешествуя по всему миру, умный украинский Одиссей по имени Олександр Николаевич так этого мира за своими приборами и не увидел, и все искал его в фантастических романах с самодельными переплетами. Интересно, почему пережив Перестроечные кризисы и сотни экстремальных экспедиций, он смертельно заболел после естественной смерти старой собаки. Интересно, почему не стал лечиться по совету жены, и шесть лет копался в саду, отвлекая себя от съедающей изнутри болезни.

Интересно, почему перестают рожать своих младенцев с таким трудом и тщанием выращенные Нютой и им дети. Интересно, как российский бизнес, турецкие пляжи и

компьютерные игры умудрились затмить для них и взращиваемого ими следующего поколения «солнце русской поэзии» Александра Сергеевича Пушкина.

Интересен простодушный соседский дворовый пес с неподходящей кличкой Кинг и подбитой задней лапой. Нюта зовет его Дружок, он охотно откликается, ест из рук и путешествует с ней на кладбище раз в неделю. Интересно ехать к Нюте через это самое кладбище, и вырвав из черничного леса в земляничные поля, смотреть, как ветер играет цветами постоянно меняющегося разнотравья, отмечая ход вселенского времени, которое теперь, надеюсь, видит с высоты своей бессмертной души Одиссей Олександр Николаевич.

- Ты его любила? – спрашиваю я Нюту.

- Ну, как, - тянет она. – Выбора особого не было, а этот нравился и предлагал.

Когда он умирал, сухой и хрупкий, в свои последние дни, она забрала его из больницы и кормила супчиком с ложки, придерживая как ребенка, чтоб спинку держал. Когда она это рассказывает, то смотрит на меня глазами вечности и не плачет. И я не плачу снаружи, чтобы не потревожить ветер с полей, которым его душа откликается на этот рассказ.

- Как думаешь, где он сейчас? – спрашивает она меня.

- Вон там. Я точно знаю – там.

Я показываю в испещренное облаками небо над пушкиногорскими полями, откуда легкая душа Олександра Николаевича наконец с интересом и радостью озирает прекрасный мир, как Одиссей, вернувшийся из странствий домой. Я точно знаю – он там.

Теперь-то он уже точно знает, что самое интересное для него не за горами, а прямо тут. В Пушкинских горах. Аминь.